

Ягира Юя —
не просто
талантливый
подросток,
он лауреат
каннской
«Пальмовой
Ветви» за
актерскую
игру



В придурочном обществе

«Никто не узнает» —
в российском прокате

АНТОН ДОЛИН

Фильм, которому прочили главную награду в Каннах, получил неожиданный приз для исполнителя главной роли — двенадцатилетнего мальчика Ягира Юя. Однако и эта награда выдвигает автора «Никто не узнает» молодого Хирокадзу Корэ-Эда в ранг самых востребованных и ярких режиссеров современного японского арт-кино.

Безответственная молодая мать бросила четверых детей одних в квартире, оставила им сущие гроши и уехала в другой город, где вышла замуж, забыв об отпрысках; те совсем одичали, есть им было нечего, что, ясное дело, привело к трагедии. Готовый сюжет для репортажа-страшилки вечерних городских теленовостей или для странички «срочно в номер» относительно respectable таблоида. Уметь сделать из этого (реального!) сюжета качественный художественный фильм — задача тонкая. Хирокадзу Корэ-Эда с ней справился. Из «горячей новости» получилось зрелище художественное. По фабуле, да и по антуражу что-то вроде «Детей подземелья»: развязка тоже похожая. Как это называлось у Короленко, «В дурном обществе». Тут общество — то бишь современный японский социум — даже не дурное, а вовсе придурочное. Судите сами: прямо под носом у благополучных азиатских капиталистов погибают от элементарного холода-голода дети. Благополучные обитатели каменных джунглей об этом не заподозрят, пока не встретят в метро оборванного мальчонку с тяжелой сумкой в руке. А в сумке — труп. Во дают, а еще японцы! И правда, удивительно — в нашей-то отчизне подобная история вряд ли кого-то настолько зацепила бы, чтобы пойти дальше дешевой публицистики.

Мой коллега — большой, кстати, поклонник фильма «Никто не узнает» — говорил в Каннах после объявления вердикта жюри: «А что, награды лучше не придумаете. Приз для такого карапуза за актерскую игру — и в самом деле отменную — есть лучшее поощрение для режиссера». Так-то оно так, только если мальчика есть за что наградить (подобно тому, как его прототип в реальной жизни нес нешуточную ответственность

за троих братьев-сестер, его ровесник Ягира Юя вывез на себе весь фильм), самого Корэ-Эда было логично оставить без приза. Да, этот человек прекрасно управляет актерами, в том числе непрофессиональными. Да, свет, цвет, звук и прочие составляющие качественного арт-кино в его фильме присутствуют. Да и сюжет вполне внятный. Но все это не делает более очевидным ответ на основной и неизбежный в случае авторского кинематографа вопрос: «Зачем?»

Похоже, своей эстетической концепции у Корэ-Эда не было. К ней он шел наугад, отвечая нуждам определенной части аудитории: тех интеллектуалов, которые давно кричат, вдохновенно всплескивая руками, о конце диктата постмодернизма и готовятся встретить племя младое, незнакомое. От которого хочется ждать неких загадочных новых ценностей. Фильм «После жизни» стал поводом записать в эту мессианскую армию и Корэ-Эда — авансом. Как назвать то самое, что он представляет, никто пока не придумал, хотя гнусные и бессмысленные определения вроде «новой искренности» выскакивают как бы сами собой. Но право, что заставило режиссера вложить столько заунывной и эмоционально-нейтральной многозначительности в подчеркнутую простую историю, решительно непонятно. Разве что груз ответственности будущего триумфатора Каннского фестиваля. По счастью, от этого груза Корэ-Эда избавил милосердный председатель жюри Квентин Тарантино.

Есть и еще одна загадка — действительно ли жутковатая история четверых детей не вызвала в японском режиссере практически никаких эмоций, или перед лицом строгих критиков он просто постеснялся эти эмоции выразить? Никто не узнает.